
К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВ В 1890-Е – НАЧАЛЕ 1900-Х ГГ.: МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ*

А.Ю. Полунов

Кафедра истории Российского государства
Факультет государственного управления
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр., 27-4, Москва, Россия, 199991

В статье рассматриваются совокупность приемов и мер, которые на рубеже XIX–XX вв. использовал для воздействия на общественное мнение К.П. Победоносцев – известный консервативный сановник, литератор, публицист. Автор исследует историю взаимоотношений Победоносцева с консервативными органами печати, анализирует его издательскую и литературную деятельность. В статье рассматриваются причины противоречий в консервативном лагере, выявляется, чем была вызвана неудача кампании Победоносцева по воздействию на общественное мнение.

Ключевые слова: периодическая печать, консерватизм, парламентаризм, общественное мнение, К.П. Победоносцев, С.А. Петровский, Л.А. Тихомиров, В.В. Розанов.

В истории России период конца XIX – начала XX в. сыграл особую роль. В эти годы, насыщенные острыми социальными и идейными конфликтами, ставились и решались ключевые вопросы общественно-политической жизни страны, определялись перспективы ее развития на последующие десятилетия. К настоящему времени историками достаточно полно изучены ключевые аспекты идейно-политической борьбы рубежа веков, однако в сфере анализа данной проблематики остаются и серьезные пробелы. Важнейший из них связан с вопросом об участии в идейной борьбе представителей консервативного лагеря, среди которых особое место занимал Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) – видный ученый, литератор и государственный деятель, наставник и советник двух последних царей, обер-прокурор Святейшего Синода в 1880–1905 гг.

Несмотря на то что историки не раз обращались к анализу политической биографии Победоносцева, до сих пор он во многом остается фигурой загадочной, непроясненной.

В историографии сложился стереотип, согласно которому обер-прокурор на рубеже веков выступал по отношению к общественной мысли

---

* Работа подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

прежде всего в качестве «гонителя» и «душителя», стремился подавить ее развитие путем полицейских репрессий (1).

Такая трактовка представляется односторонней. Не отрицая, что репрессивным мерам Победоносцев придавал большое значение, следует подчеркнуть, что только к ним его деятельность не сводилась.

Прекрасно сознавая роль общественного мнения в жизни страны, Победоносцев стремился воздействовать на него с помощью разнообразного и достаточно гибкого инструментария. Поддерживая консервативные органы печати, направляя их деятельность, он сам выступал в них как автор, переводил и издавал сочинения западных публицистов, публиковал собственные книги и брошюры, посвященные актуальным общественно-политическим вопросам. Изучение этой многообразной деятельности позволяет осветить важные малоизученные аспекты взаимоотношений власти и общества, выявить роль инструментов идеологического воздействия на общественную жизнь страны в политике самодержавия предреволюционного периода.

Анализ участия Победоносцева в идейной борьбе рубежа веков представляет интерес и потому, что дает материал для осмысления истории пореформенного консерватизма, освещает конфликты и противоречия в его рядах. Разворачивая издательскую и литературную деятельность, Победоносцев, один из старейших консервативных сановников, должен был налаживать контакты с более молодыми коллегами – общественными деятелями, вышедшими на историческую арену в 1890-е гг. Неспособность Победоносцева договориться с «новым поколением» российских консерваторов стала важным фактором, ослаблявшим охранительный лагерь накануне эпохи революций.

Чем же определялось своеобразие идейно-политической позиции Победоносцева на рубеже веков? Какие задачи перед собой он ставил, чем определялся конкретный набор мер, которые он использовал в том или ином случае для воздействия на общественное мнение? Как разворачивались его взаимоотношения с «молодым поколением» российских консерваторов, чем определялись глубокие противоречия в охранительном лагере, каковы были результаты кампании Победоносцева по воздействию на общественное мнение?

Говоря об отношении российского консерватора к вопросам идеологического воздействия на общество, необходимо подчеркнуть, что эта сфера деятельности издавна привлекала его внимание. Еще в 1860-е гг., приняв участие в разработке судебной реформы и разочаровавшись в результатах либеральных преобразований, Победоносцев начал скептически относиться к любым административно-законодательным переустройствам, любому вторжению в исторически сложившийся общественный уклад.

Альтернативой такому вторжению в глазах Победоносцева было воздействие на внутренний мир, умы и души людей, одним из средств которого

должна была стать периодическая печать, издательская и публицистическая деятельность (2). Начиная с 1860-х гг. Победоносцев активно сотрудничал с консервативными журналистами (М.Н. Катковым и В.П. Мещерским), публиковался в их изданиях, информировал о положении дел в «верхах». Особенно тесными были контакты с Катковым, вместе с которым обер-прокурор в конце 1870-х и в 1880-е гг. выступал против попыток введения в России представительства, боролся за удаление из правительства либеральных сановников. Достаточно тесными (вплоть до конца 1880-х гг.) были взаимоотношения Победоносцева с Мещерским, длительное время находившегося под покровительством обер-прокурора и стремившегося следовать его указаниям.

Важным фактором, побуждавшим консервативных журналистов обращаться к Победоносцеву за помощью, было влияние последнего на политику правительства. Апогея это влияние достигло в начале 1880-х гг., когда на престол вззошел бывший ученик Победоносцева Александр III. Вплоть до конца десятилетия обер-прокурор обладал в глазах царя значительным авторитетом, и хотя впоследствии его роль в «верхах» ослабла, но стремление влиять на духовную жизнь страны от этого не уменьшилось. Скорее наоборот: не имея прежней возможности использовать в своих целях административные и политические рычаги, Победоносцев стал обращать усиленное внимание на меры идеологического воздействия, рассматривая их как компенсацию за снижение прежней роли в правительстве. Усиления воздействия на идейную и духовную жизнь страны требовала и общественно-политическая обстановка 1890-х гг.

Многочисленные перемены и потрясения – голод и холера 1891–1892 гг., смена царствований в 1894 г., обострение национальных противоречий в связи с мерами правительства по ограничению автономии Финляндии – грозили подорвать общественную стабильность, и их влияние, по мнению обер-прокурора, следовало нейтрализовать пропагандой консервативных ценностей. Орудием такой пропаганды должны были стать ведущие органы консервативной печати, в первую очередь – «Московские ведомости», редактор которых, преемник Каткова С.А. Петровский, был в 1887 г. назначен на свой пост при решающем участии Победоносцева.

Характер взаимоотношений Победоносцева с «Московскими ведомостями» отразил противоречивое положение органов консервативной прессы, которые, с одной стороны, пользовались негласной поддержкой правительства, с другой – должны были участвовать в газетно-журнальной полемике, высказывать подчас неоднозначные суждения об общественно-политической жизни страны, вызывая неудовольствие со стороны отдельных сановников. В связи с этим обер-прокурор стремился обеспечить максимально эффективное воздействие органов консервативной печати на общество, убергая их в то же время от конфликтов с властями. Сановник осуществлял

посредничество между редакцией и цензурными органами, сообщал Петровскому информацию о положении в «верхах», предостерегал от необдуманных шагов и сообщал, какие публикации могут вызвать недовольство властей. Из Петербурга в редакцию «Московских ведомостей» летели советы «быть осторожнее и нюхать воздух», избегать полемики, «которая может вовлечь вас в опасные места и навлечь вам неприятность» (3).

Редакция «Московских ведомостей», в свою очередь, охотно принимала покровительство могущественного сановника и предоставляла ему страницы газеты для публикаций. Победоносцев обнародовал в «Московских ведомостях» ряд принципиально важных для него материалов (например, статью на смерть Александра III), в ряде случаев – вел полемику, в том числе с оппонентами из консервативного лагеря. «Поклоннику греков Тertiю Ив(ановичу) полезно дать урок, и всего приличнее в Моск(овских) ведомостях», – писал он относительно опубликованных в «Гражданине» статей, направленных против политики духовного ведомства на Ближнем Востоке (4).

Помимо «Московских ведомостей» обер-прокурор держал в сфере внимания и другие консервативные издания, например, «Русский вестник», оказывал покровительство «Русскому архиву» П.А. Бартенева. Издание Бартенева Победоносцев также использовал для публикации материалов, связанных с деятельностью духовного ведомства, а в конце жизни, после отставки, посылал туда собственные биографические материалы (5).

Активное воздействие, которое глава духовного ведомства стремился оказывать на мир прессы, создало ему репутацию своеобразного «неформального идеолога» самодержавия. Поэтому когда в начале 1890-х гг. на сцену вышло новое поколение российских консерваторов (В.В. Розанов, Л.А. Тихомиров, А.А. Александров, В.А. Грингмут и др.), многие из них обратились к обер-прокурору за покровительством. Так, Тихомиров и Александров, задумав в 1892 г. превратить журнал «Русское обозрение» в действенный консервативный орган печати, просили главу духовного ведомства о поддержке при формировании нового состава редакции. Надо сказать, что Победоносцев поначалу воспринял замысел консерваторов нового поколения с изрядной долей скепсиса. «Легко сказать – каждый месяц толстая книжка! – писал он Тихомирову. – Чем и как ее наполнить. Придется мириться с балластом и поневоле рассчитывать на господствующий вкус публики» (6). Однако в конечном счете обер-прокурор сдался на уговоры Александрова и Тихомирова и даже принял в работе журнала довольно активное участие.

Взаимоотношения Победоносцева с «Русским обозрением» в целом строились по схеме, которую он использовал по отношению к «Московским ведомостям». Обер-прокурор давал указания руководителям журнала, какие материалы публиковать, посылал в журнал собственные статьи, участвовал в разборе внутриредакционных конфликтов.

По всем этим вопросам обер-прокурор старался давать свои рекомендации, порой до мельчайших деталей вникая в редакционную работу. В то же время во взаимоотношениях Победоносцева с «Русским обозрением» было и своеобразие, отличавшее их от сотрудничества обер-прокурора с другими консервативными изданиями. Одним из аспектов этого своеобразия заключался в повышенном внимании к произведениям западной публицистики, стремлении сделать журнал орудием пропаганды близких Победоносцеву идей, заимствованных с Запада.

Говоря о взаимодействии обер-прокурора с миром периодической печати в середине 1890-х гг., следует подчеркнуть, что это время было отмечено значительной активизацией контактов России с Западом, острыми дискуссиями, в ходе которых ставился вопрос о сравнительных достоинствах различных форм государственного строя. Звучала в ходе подобных дискуссий и критика демократической формы правления.

Победоносцев считал принципиально важным использовать подобные материалы в своих интересах. «Читатели наши невежественны, – писал он, – и знать не могут и не хотят, как на Западе перетряхиваются те самые вопросы, в коих у нас молодежь сбита с толку сикофантами нелепого либерализма». «Полезны были бы теперь, – наставлял обер-прокурор Тихомирова, – сжатые и ясные указания на действие парламентского правления в Европе, на то сплетение лжи и обмана всякого рода, которыми проникнуты выборы представителей, назначения на место и др.» (7).

Победоносцев буквально обрушил на публициста «Русского обозрения» поток рекомендаций относительно того, какие западные материалы использовать в журнале.

Стремясь повысить эффективность выступлений консервативной печати, обер-прокурор не только давал указания редакции «Русского обозрения», но и сам активно занимался переводами западных авторов, публикуя свои материалы как в виде статей, так и отдельными изданиями. Подобной деятельностью российский консерватор занимался буквально до последних дней жизни. Вместе с тем обер-прокурора не переставали тревожить сомнения относительно эффективности собственно газетно-журнальной деятельности.

Будучи по складу личности во многом кабинетным человеком, тесно связанным корнями с традиционно-патриархальным укладом дореформенной Москвы, высоко ценя «тишину» и благообразие общественной жизни, Победоносцев скептически относился к инструментам идеологической борьбы, используемым периодической печатью. «Стоит прицепиться к газетной работе, – писал Победоносцев Тихомирову, – чтобы распустить себя во все стороны и утратить досуг для сосредоточения себя на повседневной работе, да еще – Боже сохрани – впутаться в раздражительную полемику, которая разъедает дух у человека мелкой борьбой».

Глава духовного ведомства настойчиво старался найти такие способы воздействия на общественное мнение, использование которых позволило бы избежать «грязи» и «склок», характерных для споров в периодической печати. «Понимаю, – писал он Тихомирову, – что следует опровергать ложное направление – но надо это делать по возможности объективно и с достоинством». «Без полемики в серьезном смысле нельзя обойтись, но она должна быть безличная и объективно поставленная» (8). Однако сама расплывчатость рекомендаций обер-прокурора говорила о том, что он, по сути, пытался совместить несовместимое.

Положение осложнялось тем, что в искусстве полемики консервативные публицисты явно уступали своим оппонентам из либерального лагеря. «Умение ругаться образно не всем дается, – писал Победоносцев Тихомирову, – и в этом отношении и “Новое время”, и “Рус(ские) ведомости” всегда окажутся зубастее “Московских ведомостей”» (9).

Все это заставляло обер-прокурора в рамках сотрудничества с «Московскими ведомостями» и «Русским обозрением» смещать акценты. Он рекомендовал Тихомирову и Александрову обращать больше внимания не на дискуссии, а на материалы иного, неполемического характера – статьи в духовных журналах, рассказы о прошлом, биографии «скромных тружеников провинции» – рядовых священников, учителей и др. (10). Особенно ярко подобное стремление к учительно-назидательному подходу проявилось в собственной издательско-публикаторской деятельности главы духовного ведомства.

Еще с 1880-х гг. Победоносцев, стремившийся избежать «рынка и грязи» газетно-журнальных дискуссий, практиковал издание (часто – анонимное) статей и брошюр по актуальным вопросам общественно-политического характера. Особое внимание в 1890-х – начале 1900-х гг. глава духовного ведомства, как уже отмечалось, уделял работам западных авторов. Им был подготовлен целый ряд переводов, переложений, компиляций, отражавших взгляды различных западных публицистов на злободневные общественно-политические вопросы (11). Практически все переводимые Победоносцевым материалы подвергались определенному препарированию (изъятиям, дополнениям, перекомпоновке и пр.). Сам обер-прокурор называл это адаптацией текста к уровню аудитории – «иностранные статьи и книги, взятые целиком, редко бывают вполне понятны русскому читателю на русском языке» (12). Однако очевидно, что имела место и определенная идеологическая «подгонка» иностранных сочинений под взгляды Победоносцева (13).

В разгар издательской деятельности (февраль–март 1894 г.) у Победоносцева возникает замысел собрать свои ранее изданные «рассеянные статьи» и опубликовать их в виде отдельного издания. Плодом реализации этого замысла стал знаменитый «Московский сборник» (издан в мае 1896 г.), вошедший в историю как центральное произведение российского консерватора.

В обществе издание «Московского сборника» вызвало значительный интерес, до 1901 г. он выдержал в России пять изданий. Публику, безусловно, привлекал сам беспрецедентный факт публикации своеобразного идеологического манифеста высокопоставленным сановником, приближенным царя. Вызывала интерес и необычная форма подачи материала – «интимные и несколько импрессионистские заметки» (В.В. Ведерников), манера изложения которых свидетельствовала об искренности автора, о том, что излагаемые им идеи он «пропустил через себя». В общественной атмосфере конца XIX – начала XX в. подобная манера обращения, безусловно, позволяла быстрее найти путь к читателю, усиливала общественный интерес к книге. «Это как бы листки записной книжки... – писал об издании Победоносцева В.В. Розанов. – Все статьи одушевлены и чистосердечны именно как страницы дневника. Невозможно читать эту книгу и не заразиться ею» (14).

Особенностью «Московского сборника» (во многом определявшейся тем, что он включил в себя значительное число ранее изданных публикаций Победоносцева) было широкое использование работ западных публицистов. Часть из них приводилась со ссылкой на авторство, часть – без (15).

Подобный прием весьма противоречиво оценивался читателями и критиками «Московского сборника». Противники обер-прокурора считали это свидетельством безличности, творческой несамостоятельности, неумения отстаивать свои взгляды без опоры на чужие тексты. Однако для самого высокопоставленного автора подобная манера обращения к обществу имела принципиально важное значение. Она позволяла представить публикуемые им тексты не как некое индивидуальное «измышление», а как воплощение коллективной мудрости, давно ставшее общим местом на Западе и неизвестной либералам в силу их невежества, зашоренности и неспособности объективно воспринять все многообразие мировой общественной мысли. «Он и не подозревает, – с торжеством писал Победоносцев об авторе одной из первых рецензий на «Московский сборник», – что это мысли самых разумных европейских писателей и публицистов, мысли критики самых авторитетных умов... Это мысли в сущности не мои, а мысли первых мыслителей нашего времени» (16).

Использование в «Московском сборнике» новейших сочинений западных авторов, широкий охват в нем злободневных общественно-политических вопросов, наконец, сам факт публикации программного политико-идеологического сочинения от лица высокопоставленного сановника – все это вызвало взрыв энтузиазма со стороны консервативной печати, поспешившей дать «Сборнику» самую высокую оценку. «Эта книга, – революционный манифест в области культуры, – заявлял известный консервативный публицист Б.В. Никольский. – Она предлагает не судить, а обороняться и гнать обратно мутные волны господствующих у нас западных учений. Русский ум вооружается в ней по всей западной границе» (17).

Следует отметить, что и на Западе – объекте критики Победоносцева и в то же время источнике многих использованных им материалов – публикация «Московского сборника» также была встречена с интересом. Книга в течение нескольких лет была переведена на ряд языков – французский, немецкий (два издания), английский, сербский, чешский, польский, вызвала оживленную дискуссию в периодической печати и поток писем западных читателей к Победоносцеву.

Интерес к «Московскому сборнику» на Западе был обусловлен тем, что к середине 1890-х гг., как отмечалось выше, наблюдалась активизация международной жизни, укрепление связей России с Западом, и западная публика, естественно, желала глубже понять основы российского общественно-политического строя, природу отличий, отделявших Россию от Запада. В этой ситуации печатное выступление высокопоставленного сановника, воспитателя двух царей (покойного и царствующего) воспринималось как аутентичное выражение идеологии самодержавия и даже всего самосознания русского народа. «Издание “Московского сборника” было в целом благожелательно встречено на Западе. Даже те, кто не разделял идей Победоносцева, признавали его искренность и указывали, что знакомство с книгой обер-прокурора необходимо всем, желающим понять Россию. Что же касается авторов, близких Победоносцеву по духу (консерваторов и правых либералов), то они соглашались со многими взглядами обер-прокурора, в частности, были склонны признать правоту некоторых его критических выпадов в адрес парламентаризма и демократии» (18).

Заинтересованные и даже заинтригованные загадочной фигурой обер-прокурора, многие западные общественные деятели стремились встретиться с ним лично, так что Победоносцев, по воспоминаниям современников, стал «достопримечательностью» Петербурга. Российский сановник, без сомнения, поощрял подобный интерес к своей персоне, хотя и любил посетовать в письмах к друзьям, как его тяготит «европейская газетная известность».

Стремясь проанализировать результаты своих выступлений, уловить их возможное воздействие на западное общественное мнение, российский консерватор внимательно отслеживал появление своего имени на страницах западной печати. Порой он инспирировал появление в зарубежной прессе тех или иных материалов, а иногда и сам выступал со статьями на различные темы (19). Все это способствовало тому, что фигура российского консерватора стала восприниматься на Западе не столь однозначно, а его идеи вызывали больше сочувствия. Но все-таки решительного перелома настроений в свою пользу Победоносцев добиться не смог.

Причина этого заключалась в том, что глубинные основы политической культуры Запада были в конечном счете враждебны построениям Победоносцева. Даже те западные авторы, на которых он ссылался, критикуя недостатки политической демократии и парламентаризма, все же не высту-

пали за их упразднение. Выпады самого обер-прокурора против данных институтов для основной части читающей публики на Западе звучали неубедительно. Российскому консерватору указывали на то, что, отвергая принципы политической демократии, он прибегает к чрезмерным обобщениям. Большинство пороков, которые обер-прокурор приписывал демократии (развитие коррупции, закулисные интриги, махинации в борьбе за власть) вполне могли процветать и при самодержавной монархии, поскольку связаны были не с особенностями той или иной формы правления, а с недостатками человеческой природы (20).

В целом публикация «Московского сборника» и других изданий обер-прокурора не принесла ожидаемого эффекта и в России. Хотя возможности для обсуждения произведений сановного публициста в 1890-е – начале 1900-х гг. были ограничены цензурой, рецензенты уже в это время сумели высказать ряд серьезных замечаний на выступления Победоносцева. Для российской читающей публики (в том числе сочувствовавшей обер-прокурору) в «Московском сборнике» открывалось немало слабых мест. По замечанию В.В. Розанова, это произведение, имея «чарующую прелесть для сердца», довольно легко опровергается умом, которому нетрудно «опрокинуть этот симпатичный полет благородного скорбного мыслителя» (21). Обер-прокурору указывали на то, что критикуемые им парламентские институты сыграли значительную роль в обеспечении экономического процветания западных стран, усилении их роли на мировой арене; что народы Запады в массе своей не спешат отказаться от парламентаризма, а отвергают здесь парламентские институты не столько консерваторы, сколько правые и левые радикалы.

Критикуя парламентаризм, Победоносцев, по мнению обозревателя «Вестника Европы» Л.З. Слонимского, использовал некорректный прием: реальным недостаткам демократии он противопоставлял отвлеченные представления о неких более совершенных способах правления, которым даже не мог дать четкого определения. Само использование в «Московском сборнике» западных авторов, по мнению Слонимского, работало против Победоносцева: ведь те критиковали парламентаризм в рамках самого парламентского правления, не подвергаясь при этом никаким ограничениям (22). Подобные замечания показывали, что идеи «Московского сборника» едва ли могли быть с пониманием встречены в либеральных кругах общества, даже в их умеренной части. Но самой, пожалуй, серьезной проблемой для обер-прокурора стало то, что в ходе его публицистической деятельности 1890-х – начала 1900-х гг. отчетливо нарастало его расхождение с «новым поколением» российских консерваторов.

Одной из причин подобного расхождения стал вопрос о необходимости четкого теоретического определения программных положений консерватизма. Опасавшийся абстрактно-рационалистического подхода ко всем элементам традиционного общественного уклада, убежденный в том, что

«самые драгоценные понятия находятся в глубине поля и в полумраке», Победоносцев выступал против подобных формулировок.

Тихомирову и многим другим консерваторам такой подход в преддверии политических потрясений и обострения идейной борьбы начала XX в. казался совершенно недостаточным, а обер-прокурор, в свою очередь, с раздражением воспринимал их попытки теоретически оформить основные положения консервативной идеологии. «Теперь... едва ли удобное время ставить на очередь тему о монархии, – внушал Победоносцев Тихомирову и В.А. Грингмуту в апреле 1896 г. – Теперь на эту тему целый кружок ревностных не по разуму консерваторов предается самым диким и невежественным фантазиям». Увещания не помогали, и уже в конце того же года он констатировал в письме к одному из своих постоянных корреспондентов С.А. Рачинскому: «Вот, смотрите, какие глупости они пишут без малейшего такта и расчета». «Апострофы о самодержавии», по мнению обер-прокурора, являли собой «верх бестактности» и стали «лакомой темой» «для всевозможного глумления» и «для всяких газеток» (23).

Все это вело к тому, что рекомендации, которые Победоносцев направлял руководителям консервативной печати, все чаще сводились к заявлениям о необходимости едва ли не полного молчания. «Берегитесь статей о голоде, – писал обер-прокурор Петровскому в ноябре 1891 г. – Помолчите по Финляндии, помолчите также о патриархах и греках». «Вообще, – указывал он в марте 1892 г. – лучше было бы и для вас, и для дела, если б замолкла и предана была забвению история о реферате Соловьева» (реферат В.С. Соловьева «Об упадке средневекового мирозерцания». – *А.П.*). В январе 1892 г. сановник просил Тихомирова прекратить полемику по поводу его статьи «Духовенство и общество» (24).

Разумеется, у самих авторов подобные рекомендации не могли не вызвать раздражения. «Я лично вполне согласен хоть и совсем замолчать, – замечал по этому поводу Тихомиров. – Только думаю, что сам вопрос не замолчит» (25). Неудивительно, что в этой ситуации одни консерваторы все сильнее отдалялись от Победоносцева, а другие даже переходили к критике обер-прокурора и его ведомства (наиболее яркий пример – В.В. Розанов).

С другой стороны, в руководстве консервативных газет и журналов, скованных жесткими рамками победоносцевских предписаний, неудержимо нарастала апатия. «Редакция ведется у них холодно, и Петровский (а иногда и Грингмут) не знают, что у них печатается», – сообщал Победоносцев Тихомирову о руководителях «Московских ведомостей» в 1893 г.

Систематическое использование иностранных газет и журналов так и не было организовано. Библиографический отдел «Русского обозрения» находился в хаотическом состоянии («кем-то надергиваются какие-то случайные отзывы о каких-то книгах и книжонках»).

Обер-прокурор пытался исправить ситуацию путем личного вмешательства в деятельность редакции (вплоть до указаний, какого цвета карандашом отмечать необходимые книги и журналы в каталогах). Однако успеха его попытки не имели (26).

Неудивительно, что в подобной ситуации консервативные газеты и журналы неудержимо клонились к упадку. «Жаль, что чахнут наши журналы хорошего направления, – сетовал Победоносцев в письме к Рачинскому в сентябре 1897 г. – нет людей способных и хозяйственных... Никто не умеет держаться на своих ногах и все хотят жить и умеют жить только субсидиями». «Сколько десятков тысяч р(ублей) погубил он – и куда девал – ничего не знаем», – писал обер-прокурор об Александрове. В результате «Русское обозрение» закрылось в 1898 г. «Русский вестник» продержался до 1906 г., но его недалекий печальный финал был очевиден. Победоносцев предвидел его еще в конце 1890-х – начале 1900-х гг. «В сущности, скучный журнал – жизни нет», «мало читается», «ни у кого не хватит сил оживить этого мертвеца», – так отзывался Победоносцев об одном из старейших консервативных органов.

Одновременно глава духовного ведомства вынужден был признать высокую эффективность оппозиционных изданий. «Русские Ведомости», писал он, «к несчастью, самая искусная газета... И нет таланта, кто умел (бы) побороться с ней» (27). Фактически попытки обер-прокурора оказать влияние на идейную и духовную жизнь страны путем газетно-журнальной и издательской деятельности потерпели неудачу.

Подводя итог анализу деятельности Победоносцева по воздействию на общественное мнение России, необходимо подчеркнуть, что начинания обер-прокурора стали важным явлением общественно-политической жизни рубежа веков. Активно участвуя в идейной полемике, Победоносцев использовал различные инструменты идеологического воздействия на общество, включавшие в себя контакты с консервативной прессой, консультирование журналистов и руководство их деятельностью, размещение в газетах и журналах собственных материалов, издание книг, брошюр, статей.

Публикации консервативного сановника, опиравшиеся на сочинения западных авторов, затрагивавшие широкий круг злободневных общественно-политических вопросов, привлекали к нему внимание в России и за рубежом, становились предметом заинтересованного обсуждения в отечественной и западной прессе. Однако в конечном счете оказать желаемое влияние на развитие общественного мнения России обер-прокурор так и не смог. Связано это было отчасти с неудачей попыток Победоносцева разрешить «квадратуру круга», нащупать некие «благообразные», избавленные от «грязи» и «склок» формы газетно-журнальной деятельности. Подобные попытки по сути лишь размывали действенность публицистических выступлений консервативного сановника, ослабляли эффект их воздействия на общество.

Что же касается взаимоотношений Победоносцева с «коллегами» по охранительному лагерю, консерваторами «нового поколения», то их все меньше устраивало упорное сопротивление обер-прокурора всем попыткам придать более четкое теоретическое оформление основам охранительной идеологии, создать ясно сформулированную программу консервативного движения. К началу XX в. неудача кампании Победоносцева по воздействию на общественное мнение стала очевидна, что побудило консерваторов нового поколения обратиться к поиску новых средств идеологического воздействия на общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки Московского государственного педагогического института. – № 309. – М., 1969. – С. 303–306; *Рабкина Н.А.* Константин Петрович Победоносцев // Вопросы истории. – 1995. – № 2. – С. 58–75.
- (2) См.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев – человек и политик // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 42–55.
- (3) Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 224. – К. 2. – Д. 24. – Л. 26, 34–34 об.
- (4) ОР РГБ. – Ф. 224. – К. 2. – Д. 24. – Л. 1, 14, 16, 21–22, 47 об., 48 и др. Автор статей – Т.И. Филиппов, высокопоставленный сановник и известный специалист по церковным вопросам, давний оппонент Победоносцева.
- (5) См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 575. – Л. 54; Д. 586. – Л. 137 об.
- (6) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 634. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 11 об.
- (7) Там же. – Л. 48–48 об.
- (8) Там же. – Л. 32, 56.
- (9) Там же. – Л. 32 об.; ОР РГБ. – Ф. 126. – К. 8479. – Д. 3. – Л. 12.
- (10) См.: РГАЛИ. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 5. – Л. 6–6 об, 11, 13–13 об, 15, 18.
- (11) К числу основных публикаций этого времени относится статья Победоносцева о французском философе и социологе Ф. Ле Пле (1893), перевод книги Ле Пле «Основная конституция человеческого рода» (1897), выдержки из сочинения У. Гладстона «Несокрушимая твердыня Священного писания» (1894). В 1895 г. увидела свет книга «Победа, победившая мир», включившая в себя отрывки из «Исповеди» Блаженного Августина и сочинений английского богослова-публициста У. Лилли («Христианство и современная цивилизация», «Столетие революции»). В 1898 г. была опубликована книга «Новая школа», а в 1901 г. – «Воспитание характера в школе», «Призвание женщины в школе и обществе», составленные по работам английских и французских публицистов (Э. Демолена, С. Барнета, С. Лями). В первые годы XX в. обер-прокурор также издал перевод сочинения английского журналиста Г. Кальдерона «Правда о гр. Л. Толстом» (1901). Последними публикациями Победоносцева были переводы речи Т. Рузвельта «Нравственный характер гражданина в христианском обществе» (1902), книги бельгийского правоведа А. Принса «Всеобщая подача голосов» (1906) и статья «О марксизме» (1906).

- (12) ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). – Ф. 631. Письма к С.А. Рачинскому. 1879. – Л. 15–15 об. См. также: ГАРФ. – Ф. 634. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 42.
- (13) Так, при переводе сочинений Г. Спенсера и У. Гладстона Победоносцев опустил мысль первого о необходимости ограничения вмешательства государства в общественную жизнь и второго – о равенстве всех христианских религий. См.: *Byrnes R. Pobedobostsev. His Life and Thought.* – Bloomington; L., 1968. – P. 291.
- (14) *Ведерников В.В.* «Московский сборник» К.П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. – 1997. – № 2. – С. 41; *Розанов В.В.* Скептический ум // К.П. Победоносцев: pro et contra. – СПб, 1996. – С. 297.
- (15) В «Московский сборник» вошли выдержки из сочинений, принадлежащих французскому священнику Г. Луазону (часть главы «Церковь и государство»), франко-немецкому публицисту М. Нордау (глава «Великая ложь нашего времени», без указания авторства), английскому юристу Г.С. Мэну (глава «Суд присяжных»), американскому философу Р. Эмерсону (глава «Дела и дни»). В публикации были использованы также отрывки из трудов Ф. Бэкона, Г. Спенсера, Т. Карлейля, У. Гладстона.
- (16) ОР РНБ. – Ф. 631: Письма к С.А. Рачинскому. 1896. Май–июнь. – Л. 154–154 об.
- (17) *Никольский Б.В.* Литературная деятельность К.П. Победоносцева // К.П. Победоносцев: pro et contra. – С. 385.
- (18) Победоносцев тщательно собирал и хранил зарубежные отзывы на свои сочинения. (См.: ОР РГБ. – Ф. 230. – К. 4404. – Д. 8, 9, 12, 16, 25, 48, 49, 51–55).
- (19) См.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев и французские консерваторы // Историки размышляют. – М., 2003. – Вып. 4. – С. 55–66.
- (20) См. рецензии на «Московский сборник», опубликованные в 1898–1899 гг. в газетах «Таймс», «Манчестер Гардиан», «Дэйли Графикс» и собранные Победоносцевым в его архиве. (ОР РГБ. – Ф. 230. – К. 4404. – Д. 55).
- (21) *Розанов В.В.* Скептический ум... – С. 298.
- (22) *Л. (Слонимский Л.З.)* О «великой лжи» нашего времени // Вестник Европы. – 1896. – № 10. – С. 768–787.
- (23) ГАРФ. – Ф. 634. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 63–63 об.; ОР РНБ. – Ф. 631. Письма к С.А. Рачинскому. 1896. Ноябрь–декабрь. – Л. 239–239 об.
- (24) ОР РГБ. – Ф. 224. – К. 2. – Д. 224. – Л. 7 об. – 23 об.; ГАРФ. – Ф. 634. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 3–3 об.
- (25) *Тихомиров Л.А.* Воспоминания. – М.; Л., 1927. – С. 32.
- (26) ГАРФ. – Ф. 634. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 22 об, 47, 88 об.–89; ОР РНБ. – Ф. 631: Письма к С.А. Рачинскому. 1901. Сентябрь–октябрь. – Л. 21 об.
- (27) ОР РНБ. – Ф. 631. Письма к С.А. Рачинскому. 1897. Сентябрь–октябрь; Л. 58 об.: 1898. Март–апрель; 1901. Январь–февраль; Л. 14. 1902. Март–апрель; Л. 53 об. 1897. Ноябрь–декабрь; Л. 106.

**CONSTANTIN POBEDONOSTSEV IN 1890s –
EARLY 1900s: INFLUENCING THE RUSSIA'S PUBLIC OPINION**

A.Yu. Polunov

Department for the History of the Russian State
School of Public Administration, Moscow State University,
Lomonosovskii Pr-t, 27-4, Moscow, Russia, 119991

Author of the article analyzes the instruments of ideological struggle used by the famous conservative politician Constantine Pobedonostsev in order to influence the turn-of-century Russia's public opinion. The contacts of Pobedonostsev with the right-wing journalists and conservative periodicals are being investigated, as well as his activities as a translator and publisher. Conclusions are being made with regard to the reasons of Pobedonostsev's failure to influence the Russia's public opinion.

Key words: periodicals, conservatism, parliamentary democracy, public opinion, Constantine Pobedonostsev, Sergei Petrovskii, Lev Tikhomirov, Vasilii Rosanov.